

А.М. ЩЕРБАК
(Санкт-Петербург)

Роль контактов в процессе изменения морфологической системы алтайских языков

Abstract

The article aims at giving the description of some suffixes and structural transformations which may be regarded as resulting from contacts between the Turkic, Mongolian and Manchu-Tungus languages.

*

Сходства в лексике, морфологии и, отчасти, в структуре тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков уже длительное время находятся в центре внимания многих отечественных и зарубежных специалистов. Однако вплоть до настоящего времени усилия большинства тюркологов, монголистов и тунгусо-маньчжуристов были направлены главным образом на поиски лексических и морфологических параллелей, с целью реконструкции общего праязыкового состояния. К сожалению, они не дали сколько-нибудь убедительных результатов, прежде всего потому, что частично или полностью игнорируются исторические обстоятельства, связанные с расселением, общественным положением, размерами и глубиной контактов носителей упомянутых выше языков. Тем не менее, тюркско-монгольские языковые связи, длительные и интенсивные, – реальный исторический факт, и то, что нередко рассматривается как достояние эпохи праязыкового состояния, на самом деле, является следствием контактов, относящихся к разным периодам времени, не очень древним и древнейшим. Конкретный пример – наличие значительного количества тюркских и монгольских заимствований в чжурчжэньском языке, памятники письменности которого относятся к XII–XIV вв. Есть основания думать, что тесные связи между так называемыми алтайскими языками осуществлялись и в более отдаленное время, в частности в период,

предшествовавший возникновению Первого и Второго Восточных тюркских каганатов. Мы не располагаем точными, засвидетельствованными письменными источниками, данными о характере и направленности языкового взаимодействия в раннее время, все же предпочтительнее считать исходной, изначальной языковой средой тюркские языки, занявшие господствующее положение в пространном регионе вплоть до монгольских завоеваний, а в известной мере и после них. Продолжительное контактирование разных по происхождению языков происходило, вероятнее всего, в условиях двуязычия, создававшего благодатную почву для сближения морфологических систем.

Важным обстоятельством, предопределяющим масштабы заимствования аффиксальных морфем, являются структурные особенности взаимодействующих языков. Влияние одних языков на другие оказывается тем более результативным, чем больше типологическая близость их. И тюркские, и монгольские, и тунгусо-маньчжурские языки относятся к агглютинативному типу, хотя в тунгусо-маньчжурских языках, пожалуй, заметно представлены и формы флективного типа. Не исключено, что и типологическая близость может быть следствием продолжительных контактов и что, скажем, в развитии монгольской агглютинации проявилось тюркское влияние, хотя убедительных фактов, подтверждающих её вторичность и появление на смену её иного морфологического типа, в нашем распоряжении нет. Между тем попытки обозначить контуры доагглютинативного состояния, например монгольских языков, имели место [Санжеев, 1953, с. 116]. Очевидно и бесспорно лишь то, что типологическая близость упомянутых выше языков существенно уменьшает ограничения в заимствовании морфологических элементов, которые нередко уподобляются лексическим единицам, и сближает аффиксальные морфемы с ними.

Увеличению размеров смещения способствует минимальная семантическая интегрированность морфологических показателей: один показатель – одно значение (исключения бывают редко). Другое важное обстоятельство, способствующее заимствованию морфологических элементов – их слабая спаянность с корневыми морфемами, на что впервые в самых общих чертах указал О. Бётлингк. „Осмысливая все эти явления в совокупности, писал он, надобно признать, что в индогерманских языках материя и форма соединяются гораздо теснее, чем в урало-алтайских...” [Бётлингк, 1853, с. 409].

Количество в монгольских языках аффиксальных морфем, заимствованных из тюркских языков, а в тунгусо-маньчжурских языках – из монгольских чрезвычайно велико. Достаточно привести лишь несколько примеров, чтобы получить представление о размерах этого количества и о характере их.

Почти повсеместное распространение в монгольских языках получил аффикс имени действующего лица, выступающий в нескольких вариантах, часть которых представляет собой сращения его с другими морфологическими элементами, ср.: бур. -*ša* ~ -*še*, бн. -*če*, даг. -*čī[n]*, дунс. -*čī[n]* ~ -*čī[n]*, калм. -*č*, мнгр. -*čī*; бур. -*gša* ~ -*gše*, калм. -*gč*.

Из других морфологических показателей монгольских языков явно тюркскими по происхождению являются аффиксы *-lig ~ -leg ~ -log...*, *-šig ~ -šeg ~ -šog...*, *-daxi ~ -dexi ~ -doxi...*, *-darga ~ -derge...*, *-sag ~ -seg ~ -sog...*, *-g ~ -ag ~ -eg...*, *-im ~ -em ~ -om...* Будучи продолженным, этот список может включать в себя несколько десятков аффиксальных морфем. Ограничимся приведенным выше списком, так как и его вполне достаточно для общего представления о размерах и характере морфологических заимствований.

Так, аффикс *-lig ~ -leg ~ -lög...*, образующий отвлеченные имена существительные и относительные прилагательные, использовался в качестве продуктивного словообразовательного элемента в довольно позднее время, и главным образом в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках. Примеры: бур. *bajalig* 'богатство, сокровище', 'богатый, щедрый', *bātarlig* 'доблестный, героический'; калм. *maxl'g* 'мясистый', 'полноватый', *urnl'g* 'склонный к мастерству'; м. *bātarlag* 'героизм, доблесть', 'героический, доблестный', *tsetsegleg* 'цветник', 'цветущий'. Заслуживает особого внимания заметный сдвиг в семантике форм данного морфологического типа. Значительная часть их не является в собственном смысле отвлеченными именами существительными или относительными прилагательными: так в бурятском языке они выражают преимущественно степень насыщенности признака, в роли которого выступает обозначаемый производящей основой предмет, ср.: *hoxorlig* 'плохо видящий', *hūderlig* 'тенистый'. Э. Ховдхауген, посвятивший аффиксу *-lig* специальную статью, указывает на ограниченное использование его в старописьменных монгольских текстах [Hovdhaugen, 1975, p. 75].

Аффикс *-šig ~ -šeg ~ -šog*, также выступающий главным образом в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках, образует прилагательные и наречия со значениями неполноты признака, недостаточности, частичности его проявления, ср.: бур. *bagašag* 'маловатый'; м. *xün šig* 'подобный человеку'. Не ясно, в каком отношении к данному аффиксу находится бурятский аффикс *-šu ~ -šū*, ср.: бур. *uhanšū* 'похожий на воду', *xilenšū* 'похожий на бархат, бархатистый', *xünšū* 'похожий на человека, человекообразный'. Возможность существования в древнетюркском языке разновидности аффикса *-sīγ ~ -sig* с огубленным гласным не исключена и поэтому для бурятского *-šū ~ -šū* также вполне реален тюркский источник. В тюркских языках аффикс *-sīγ ~ -sig* состоит из двух компонентов: *-sī ~ -si* и *-γ ~ -g*. Первый из них восходит к глаголу *sī-* 'походить, быть подобным', так что первоначально элемент *sīγ* употреблялся как самостоятельное слово, затем перешел в категорию служебных слов и, наконец, стал обычным аффиксом, ср.: тур. *adamsı* 'человекообразный', *sağımsı* 'желтоватый'.

Аффикс *-daxi ~ -dexi ~ -doxi* в бурятском языке образует относительные прилагательные и порядковые числительные: *sāšadaxi* 'дальнейший', *negedexi* 'первый', *xojordoxi* (= *xojordugār*) 'второй', *gurbadaxi* 'третий'. В калмыцком и халха-монгольском языках этот аффикс прослеживается лишь в небольшой группе относительных прилагательных: калм. *urdk* 'предыдущий', *zaxdk* 'крайний';

м. *dornodox* 'восточный', *ur'dax* 'прежний, предыдущий'. В тюркских языках рассматриваемый аффикс является сложным морфологическим образованием, с четко выделяющимися составными компонентами, и нет необходимости подробно говорить о его структуре.

Следующий из приведенных выше заимствованных аффиксов — *-darga ~ -derge*. Примеры: бур. *belterge* 'волчонок', *hagaldarga* 'ременная застежка (под уздой)'; калм. *ul'trg* 'стелька'; м. *beltreg* 'волчонок', *segeldreg* 'петля', 'шнурок', *xömöldrög* 'нагрудный ремень' (у лошадей). Связь его с тюркским аффиксом *-duruq ~ -dürük* совершенно очевидна: ряд слов был заимствован вместе с тюркской производящей основой, например: м. *xömöldrög*, м.-п. *kö müldürge*. Ср.: др.-тюрк. *bojunturuq ~ bojunduruq* 'ярмо' (*bojun* 'шея'), *kö müldürük* 'подпруга' (*kömul ~ könjül* 'грудь'), *qılduruq* 'волосинки на колосе пшеницы' (*qıl* 'волос'); тув. *mojunduruq* 'воротник' (*mojun* 'шея'); туркм. *agüddirig* 'удила'; хак. *ulturux* 'стелька', *xastirix* 'лыко'.

Из аффиксов отглагольного образования имен следует выделить прежде всего *-g ~ -ag ~ -eg...* Он часто обнаруживается в лексических заимствованиях из тюркских языков и даже приобретает статус продуктивного морфологического показателя в бурятском языке, вследствие заимствования соответствующих производящих глагольных основ. Примеры образования имен существительных и прилагательных при помощи аффикса *-g ~ -ag ~ -eg...* от монгольских основ в разных монгольских языках: бур. *bajarxag* 'хвастающийся своим богатством' (*bajarxa* 'хвастаться своим богатством'), *šemeg* 'украшение, убранство, наряд' (*šeme* 'украшать, наряжать, убирать'), *zorig* 'стремление, намерение' (*zori* 'стремиться к чему-л., куда-л.', 'намереваться'); даг. *bēreg* 'зябкий' (*bēre* 'зябнуть'), *devseg* 'подстилка' (*devse* 'подстилать'); калм. *dutg* 'недостаток' (*dut* 'нехватать, недоставать'), *idg* 'подножный корм' (*id* 'есть'), *zavg* 'наказание' (*zas* 'наказывать'); м. *dzurag* 'рисунок', 'картина' (*dzur* 'рисовать', 'чертить').

Есть достаточные основания считать тюркским по происхождению используемый в ряде монгольских языков аффикс отглагольного образования имен существительных *-im ~ -em ~ -om...*

Особенно примечательна в области морфологии роль монголо-тунгусо-маньчжурских контактов. В частности, заслуживает внимания факт существования в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках глагольных основ, являющихся как бы исходными, то есть производящими основами для существительных и прилагательных, но на самом деле появившихся в результате произвольного выделения. И в тех, и других языках немало совпадающих внешне и по значению аффиксальных морфем, сам факт наличия которых создает возможность переразложения заимствованных слов. Приведем несколько примеров. 1) эвенк., эвен. *dül* 'пригревать', эвен. *dūlan* 'тепло, теплота'; чж. *duluwen* (или *dulgun*), м.-п. *dulayan*, м. *dulān* 'теплый'; др.-тюрк. *jilig* 'теплый', *jili* 'согреваться'. Указанная выше глагольная основа могла образоваться только на почве тунгусо-маньчжурских языков, в которых, кстати сказать, наблюдается использование собственного аналогичного аффикса *-n*. 2) эвенк., нег., орок., орох. *aksa*-, нан. *aksa*- ~ *oksa*-, эвен.

ās- ‘обижаться, сердиться’; эвенк. *aksan*, эвен. *āsan* ~ *asān* ‘сердитый, злой’. Ср.: др.-тюрк. *axsuŋ* ~ *axsun* ~ *axsum* ‘буйный, скандальный’, ‘свирепый, разъяренный’ (о человеке, о животных); м.-п. *aysum*, бур. *agsam*, м. *agsam* ~ *agsan* ‘буйный, скандальный’ (о пьяном), ‘резвый, горячий’ (о коне). Ни в тюркских, ни в монгольских языках подобная глагольная основа не обнаруживается. 3) эвенк. *amta* ~ *amtan* ‘вкус’, эвенк., эвен., нег., *amta-*, ма. *amtala-* ‘пробовать (на вкус)’; ср.-монг., м.-п., бур., м. *amtan*, калм. *amtn*, мнгр. *amuta* ‘вкус’, ср.-монг. *amsa-*, дунс., мнгр. *amusa-*, калм. *ams-* ‘пробовать (на вкус)’. В качестве глагольной основы *amta-* встречается только в тунгусо-маньчжурских языках. Таким образом и здесь имело место произвольное выделение глагольной основы путем отсечения обычного для тунгусо-маньчжурских языков аффикса отглагольного образования имен. 4) чж. *eje-* ‘управлять, командовать’, Глагольная основа *eje-* образована от существительного *ejen* ‘хозяин, владыка’ указанным выше способом. Ср.: ср.-монг. *ejen*, бур. *ezen* ~ *ežen* ‘хозяин, господин’, ‘государь, владыка’. 5) м.-п. *sej-*, м. *sij-* ‘редеть, становиться редким’. Ср.: др.-тюрк. *sedrāk*, м.-п. *sejreg*, м. *sijreg* ‘редкий’. Промежуточная глагольная основа представлена как в тюркских, так и в монгольских языках: др.-тюрк. *sedrā-*, м.-п. *sejre-*, *sijr-* ‘редеть, становиться редким’. Наблюдается нечто подобное рассмотренным выше примерам из тунгусо-маньчжурских языков. Глагольная основа *sej-* в монгольском письменном языке и глагольная основа *sij-* в халха-монгольском языке выделились путем переразложения глагольных основ, заимствованных из тюркских языков. 6) эвенк. *čakelga-* ~ *čakilga-* ‘сверкать, блестеть’, эвенк. *čakelgan* ~ *čakilgan*, сол. *saxil* ‘молния’. Ср.: др.-тюрк. *čaq-* ‘высекать огонь’; ср.-монг. *čaqi-*, м.-п. *čaki-* ‘высекать огонь’, ‘сверкать’ (о молнии); др.-тюрк. *čaqil-* ‘быть высекаемым (об огне)’; м.-п. *čakil-* ‘сверкать’; кирг. *čagilgan*, м.-п. *čaqilgan*, м. *tsaxilgan* ‘молния’. Нет необходимости доказывать, что глагольная основа *čakelga-* ~ *čakilga-* тюркским и монгольским языкам неизвестна. 7) м.-п. *nidur-*, ма. *niŋjala-* ‘бить кулаком’; ср.-монг. *nudurqa*, м.-п. *nudurga* ~ *nidurga*, сол. *norga* ~ *nuruga*, др.-тюрк. *judruŋ* ~ *judruq*, аз., туркм. *jumrug*, хак. *nuzurux* ~ *minzurux*, як. *suturuq* ‘кулак’. В тюркских языках глагольную основу, структурно соответствующую м.-п. *nidur-*, выделить невозможно.

Ссылочная литература

- Санжеев Г.Д., *Сравнительная грамматика монгольских языков*, 1. М., 1953.
 Бётлингк О., *О языке якутов*, Уч. зап. АН по Первому и Третьему отделениям, СПб., 1853, I, 4.
 Hovdhaugen E., *The Mongolian suffix -lig and its Turkic origin. Researches in Altaic languages*. – ВОН XX, Budapest, 1975.

Справочная литература

- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков*, I (Л., 1975), II (Л., 1977).
Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.

- Поппе Н.Н., *Грамматика бурят-монгольского языка*. М.-Л., 1938.
- Тодаева Б.Х., *Дунсянский язык*. М., 1961.
- Щербак А.М. *Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя)*. Л., 1977.
- Doerfer G.. *Mongolo-Tungusica // Tungusica*, 3. Wiesbaden, 1985.
- Lessing F.D., *Mongolian-English dictionary*. Berkeley and Los Angeles, 1960.